

Первая мировая война в корреспонденциях русских писателей

В стихотворении «Наши дни», датированном 9 августа 1914 г. (по старому стилю), В. Брюсов передал стремление современников запечатлеть, зафиксировать военное время:

...Ротационные машины
Стучат как ночью, так и днем,
Чтоб миг не минул ни единый,
Газетным позабыт столбцом.

Эти строки поэта-символиста и военного корреспондента выражали позицию журнала, в котором они были напечатаны. В номере «Русской мысли», вышедшем сразу после начала войны, было заявлено, в частности: «...мы будем стремиться в содержании журнала отражать преимущественно то, что поглощает теперь помыслы и внимание всех — великую европейскую войну, давая материал, с разных сторон освещающий переживаемый человечеством кризис» [Русская мысль, 1914, № 8–9]. Это стремление журнала, с его прочными публицистическими и общественными традициями, *отразить* великую европейскую войну, поглотившую *помыслы и внимание всех*, можно воспринимать как задачи всей отечественной литературы военного времени.

Написанное во время войны ставит вопрос о роли литературы как свидетельницы событий, фактов военной действительности. Что представляют собой художественные «показания» современников войны? Что означает *правда о войне* в очерках и репортажах писателей, бывших военными корреспондентами? Какое место занимают в них эмоции и факты?

Следует подчеркнуть, что нести правду о войне, окопную истину российские писатели зачастую и не имели возможности. Отечественная литература 1914–1918 гг. оказалась в невероятно жестких тисках военной цензуры. Согласно «Положению о военных корреспондентах в военное время» (1912), «в русскую армию предусматривался допуск 20 корреспондентов (из них 10 иностранных) и 3 фотографов, которые должны были иметь безупречную характеристику» [Алимов, 1999, с. 117].

Подлинно художественных произведений, вышедших в годы войны отдельными изданиями, действительно не так уж много. Именно поэтому необходимо особое внимание к художникам, которые откликнулись на это событие и внесли свой вклад в познание войны, человека с ружьем, нации во время войны. В откликах на войну продолжали развиваться темы, известные предшествующей литературе, и в то же время зазвучали новые вопросы и проблемы: изменение отношения к русской армии, офицерству; глубинное, народное осознание войны как всеобщей беды; осмысление войны как страдания, за которым следует очищение, покаяние; ощущение войны как раскрепощенной жестокости, проявившей себя в последующих революционных событиях, и др.

К числу лучших публикаций о Первой мировой войне, несомненно, относятся репортажи В. Брюсова, С. Клычкова, Ф. Крюкова, Я. Окунева, М. Осоргина, проза М. Пришвина, Б. Тимофеева, А. Толстого, И. Шмелева. Ощущая значимость события, писатели видели главную проблему в том, чтобы уловить в происходящем на их глазах самую суть, *запечатлеть нерв времени*. В статье «В сфере военной обыденности» (1916) Ф. Крюков, будучи военным корреспондентом, писал: «Самое тревожное и трудное для постижения, самое темное, неуловимое и загадочное на войне — это то, что обычно именуется духом, настроением. Масштаб, огромный до необъятности, миллионы живых единиц, чередующихся, часто сменяющихся, со слабым налетом специальной, солдатской муштры, пестрота наречий, пестрота национальных и профессиональных типов, разнообразие и неожиданность положений создают картину, к которой неприложимо ни одно категорическое определение, — ни оптимистическое, ни пессимистическое» [Крюков, 1916].

Г. Иванов о сборнике «военной» лирики М. Волошина писал, что основная тема его стихов — война, но «не сражения и не героические подвиги, а та гигантская ее тень, которая лежит на наших городах и наших душах» [Аполлон. 1916, № 6–7, с. 53]. Поэтому не фактография войны, востребованная исторической наукой, а, говоря словами М. Волошина, «осознание совершающегося», выдвигалось тогда на первый план. Такое отношение художника к войне — образное осмысление, а не изображение войны, ощущение ее значимости в судьбе России, свойственное поэзии А. Ахматовой, В. Брюсова, М. Волошина, Вяч. Иванова, О. Мандельштама, Ф. Сологуба и др., — дает богатейший материал для философского осмысления событий. Немалый интерес представляет осмысление *духовных* причин возникновения мировой войны, которое содержится в публицистике военных лет Д. Мережковского.

Конечно же, страницы литературы о Первой мировой войне могут быть прочитаны как описание конкретных исторических событий. Но если историков интересует, *что увидено современниками*, то для литературоведов важнее, *что почувствовали художники*. Что же увидели художники-корреспонденты?

Первая мировая война и накопление к этому времени технических достижений поставили писателей перед новой реальностью. Впервые против человека было использовано химическое оружие, мощные чудовища-танки, необычайная плотность огня. Сила военной мысли человека нападающего столкнулась со слабостью человека обороняющегося. Бесчеловечность этого противостояния удалось передать В. Ропшину (Б. Савинкову): «Мечется, со свистом разрывается воздух. Боже мой, опять прольется шрапнель... Ей нет конца. Ей не будет конца. Сколько времени я так лежу на траве? Уполз муравей. Перед моими глазами только невысокие, зеленые стебли. Для муравья он — лес, густая и непроходимая поросль. Но зато ему шрапнель не страшна. Не всё ли условно? Не условна ли и сама, неизбежная, смерть?»

Идти назад? Или лучше остаться лежать? Как уйдешь? Ползком, как ничтожнейший муравей? Я не хочу и не буду ползать. И я встаю во весь рост. Чем я рискую? Разве можно уйти от смерти?

И вдруг к гневу примешалась острая жалость — детское чувство. Жалость к себе, к тому, что было, что уже никогда не вернется, чего уже никогда не будет. Жалость к прожитой жизни. И это чувство было так огромно и полно, что в нем потонули и страх, и ненависть, и беспокойное любопытство. Я не хочу умирать.

Такова моя воля. Но есть и воля машины. На карте разграфлены квадраты. Для каждого квадрата свой прицел. Я лежу в одном из этих квадратов. Механически, без ошибки, без

волнения, без разумения, кто-то темный меня убьет. Нет заслуги и нет вины» [Ропшин, 1918, с. 235–236].

Новое, невиданное до сих пор в военных действиях заставляло писателей переоценить прежние представления о жестокости. Известно, например, что смерть в этой войне стала достигать человека не только на земле, как это было несколько веков, но и с воздуха и в воздухе. Восхищавшая в начале века авиация в годы войны стала источником смерти с воздуха. С. Кречетов (Соколов) в одном из очерков писал об этой военной новинке: «Гляжу вверх, там, на ясном, утреннем небе, с злобным, басистым и немного гнусавым гудением носится черное крылатое чудовище, точно огромный шмель из Гофмановской сказки. Кружит и уносится в сторону, и вновь возвращается, что-то ищет. Что-то выбирает». Но далее на первый план выступают чувства человека, находящегося под бомбежкой: «После я успел привыкнуть к этим германским шмелям с изогнутыми крыльями. Но всякий раз охватывало при виде их чувство какого-то злобного бессилия. Что предпринять против этой проклятой машины, шныряющей в высоте и кидающей бомбы, от которых десятки людей обращаются в мелкие клочья мяса и кровавых тряпок! Что-то темное, шмелиное, нечеловеческое просыпается в душе. Так бы и взлетел сам в высоту и впился бы в этого колдовского шмеля и грыз бы его, рыча от ярости, чтоб свалить на землю, а вместо того надо прятаться, если укрытие близко. И застыть недвижно на месте, если оно далеко, чтобы быть как можно незаметнее и как бы слиться с землей» [Кречетов, 1915, с. 22].

Человечество, воевавшее до сих пор на воде, стало воевать и *под водой*. Человек увидел смерть из-под воды. Очерк А. Толстого «Под водой» о драматическом походе подводников заслуживает особого внимания как один из первых рассказов о людях новой военной профессии. Без громких слов описывается подвиг экипажа лодки, потопившей вражеский миноносец, но попавшей в минные заграждения. И так же спокойно, бесстрастно повествуется о пребывании в стальной коробке, где с каждой минутой убывает живительный кислород.

Нехитрый окопный быт такой *необычной по продолжительности позиционной* войны, особенность которой состояла в длительном пребывании в окопах, траншеях, запечатлен в прозе М. Пришвина и С. Федорченко, стихах С. Черного.

В очерке А. Толстого «Обыкновенный человек» впервые затронута тема «большой» и «малой» войны, необходимости жертвовать *меньшим* во имя *главного* военного успеха. На первый взгляд рассказ передает ощущения прапорщика Демьянова, впервые оказавшегося в бою, где ему после смертельного ранения командира взвода пришлось командовать солдатами. Занимая рощу, теряя солдат, он, естественно, предполагал, что центр сражения здесь, что кровь его подчиненных пролита не напрасно. На самом деле по всей огромной площади, занимаемой тремя корпусами Н-ской армии, полк, в котором служил Демьянов, выполнял только отвлекающую роль. Занимая рощу, погибая под пулями, солдаты выполняли чей-то тактический замысел.

В. Ропшину понадобился буквально один абзац для того, чтобы передать новый облик той мировой войны: «С холма простым глазом был ясно виден соседний, источенный окопами холм, были видны колючие заграждения, были видны те сорок шагов несокошенной, пестреющей полевыми цветами, травы, которую нужно, необходимо перебежать, чтобы под огнем пулеметов продвинуться на сорок шагов вперед. А внизу, под холмом, была не долина, а решето. Вся земля была истыкана воронками от снарядов — больших, малых и средних. Сверху было страшно смотреть. Кто надругался над кормилицей — над землей? Кто изра-

нил, изрешетил ее сталью? Кто посмел, кто решился ее осквернить? И когда я смотрел, кто-то тронул меня за рукав:

— Хлебов-то сколько побили!...

Это сказал хлебороб-крестьянин, одетый в солдатскую форму. И сказав, он чуть не заплакал. Он жалеет хлеба. Пожалеет ли он человека?» [Ропшин, 1918, с. 214]. Всего несколько строк создают *панораму* войны — источенные окопами холмы и ничейная полоса в сорок шагов, которые так трудно сделать под пулеметным огнем; *материальные и духовные результаты войны* — изуродованную землю-кормилицу и вчерашнего хлебороба в солдатской форме, ставшего на войне убийцей.

А. Толстой сумел передать своему читателю объемную, рельефную картину не остывшей от недавнего боя местности: «Австрийские траншеи за Старым Самбором шли полукругом по лбу очень высокого, крутого холма и внизу были обнесены колючей проволокой. По обрыву, по скользкой глине, едва можно было взобраться наверх, но наши солдаты, под огнем пулеметов и ружей, накопили и здесь небольшие ямки, доходящие до австрийцев почти вплоть» [Толстой, 1949, с. 279].

Писатель мог до мельчайших подробностей увидеть, например, только что отвоеванные позиции неприятеля: «Дно траншей покрыто соломой; в углублениях ниш валяются тюфяки из соломы и тряпья. На стенах траншей повсюду пятна крови, а на гребнях, очевидно там, где прислонялась голова, — большие заскорузлые лужи. Повсюду обрывки одежд, шапок, сорванные бинты, обломки ружей, обгоревшие остатки ружейных прикладов, из которых австрийцы разводили костры, свежесодранные телячьи кожи, гильзы и стаканы снарядов» [Толстой, 1949, с. 92].

А. Толстой заметил и «привыкаемость» к войне, «относительность» ужаса войны. Однажды его внимание привлекло поведение солдата во время начавшейся артиллерийской канонады. Среди всех звуков, «ослепляющих пламеней стоял солдатик, небольшой, серый, тихонький: повесив ружье на плечо, приподняв голову немного вбок и кверху, он слушал.

— Видишь ты, какая штука, — сказал на мой вопрос солдатик тихим, немного даже таинственным голосом. — Я тут третий день слушаю: скрипит и скрипит вон в этих деревьях, будто человек стонет. Что уж это такое, — сам не знаю.

Вслед за его словами опять полыхнули четыре языка и, прогромыхав, опять понеслись, гудя и удаляясь, трехпудовые снаряды в темноту, в туман, в австрийские окопы. <...> Я оглянулся; едва видимый в тумане солдатик все еще стоял и слушал, кто это там скрипит» [Толстой, 1914].

Негативно изображавшийся в предвоенной прозе («Поединок» А. Куприна, «Бабаев» С. Сергеева-Ценского, «На куличках» Е. Замятина) русский офицер был в значительной степени «реабилитирован» в произведениях И. Шмелева, Н. Гумилева, Ф. Степуна.

В рассказах К. Тренева, книге С. Федорченко «Народ на войне», быть может, впервые в отечественной литературе заговорил сам «человек с ружьем» — вчерашний крестьянин или мастеровой, по воле судьбы ставший воином. Словом, реалии Первой мировой войны, жизнь армии и жизнь тыла воюющей страны в военных корреспонденциях были представлены достаточно рельефно. Хочется особенно подчеркнуть при этом, что главным для писателей, ставших военными корреспондентами, было стремление *увидеть, услышать, понять солдата — главного труженика войны*. В очерке А. Толстого «На Кавказе» безымянный матрос у костра рассказывает о своих ощущениях:

«— Вначале, конечно, опасно. Пуля не разбирает, где летит. А потом все равно, ей-богу. Как работаешь. И не хочется, чтобы зря стрелять, а хочется, чтобы попасть.

— А как тебя в голову стукнуло? — спросил солдат.

— За пограничным столбом на тропе. Приказано было дойти до тропы, четырнадцать человек пошли, пятнадцатый — вольноопределяющий. Доползли, легли за гребешок, позади нас — большой камень; вольноопределяющий вскочил на него — стрельбу проверять; тут же ему прямо в шею попало — свалился мертвый, не дышал. А я, знаешь, камешек эдакой положил перед собой и стреляю, а позади нас тыркаются пули ихние, как шмели; в камень тыркнется и пыхнет, а которая близко разорвется, — все лицо обдаст, как оспой; гляжу, у кого вся щека в оспе, у кого лоб в крови, — пуля ихняя как пыль, так ее рвет. Ну, потом и меня в это место чиркнула, — штука нехитрая» [Толстой, 1949, с. 143].

Очерки А. Толстого являются свидетельством того, что в корреспонденциях о войне услышан-таки бессловесный до этого «человек с ружьем». Это произошло в очерках и рассказах В. Катаева, Ф. Крюкова, Я. Окунева, М. Пришвина, А. Серафимовича, Б. Тимофеева, К. Тренева и, конечно же, в публикациях С. Федорченко «Народ на войне». В потоке «марсианствующей» литературы эти произведения выделялись именно передачей ощущений, мыслей рядовых участников войны.

Самосознание тех, на чью долю выпали самые тяжелые испытания войной, постоянно находилось в центре внимания писавших о войне, этот человековедческий аспект был главным для многих из них. С. Кречетов (Соколов), поэт, издатель, основатель символического издания «Гриф», писал в своих очерках с фронта: «Я не стратег и всего менее историк. Я — только поэт, и гляжу на то, что совершается, глазами художника, человека от искусства. Великая война найдет много историков, которые сумеют зафиксировать и воссоздать ее подробно в ее фактических очертаниях.

Мои писания глубоко субъективны. Изображаю то, что говорит моему глазу. Пропускаю, быть может, многое важное. Примечаю, наверное, многое несущественное только потому, что оно красочно. Но если в этих страницах, которые я набрасывал беспорядочно и торопливо, на случайных ночлегах, на недолгих стоянках под грохот канонады, от которой жалобно звенели окна, читатель на мгновение ощутил *странное и трудно определяемое чувство войны, вдохнет ее неуловимый воздух*, то мне не нужно ничего другого» (курсив автора. — А.И.) [Кречетов, 1915, с. 22].

Военная реальность заставила задуматься об *общечеловеческом* в трагедии войны даже таких писателей-бытовиков, как, например, В. Муйжель, писавших до этого только о мужике: «Вспоминается почему-то большая, просторная изба, куда мы заезжали выпить чаю, и заткнутые в ней тряпицами и соломой выбитые окна... И темное, исчерченное морщинами, напоминающее растрескавшуюся в засуху землю, лицо, потухшие глаза и вялая, равнодушная речь... И бедность, смотрящая из каждого угла.

И становится понятной далекая тоска изрытых глубокими рядами окопов полей, и уже титанические разрушения железнодорожных станций кажутся наивными детскими игрушками... Сделанное человеческими руками можно воссоздать вновь. Пройдут годы, — раны войны, даже наиболее глубокие, затянутся <...>. Но растет, ширится, всё ближе и ближе подступает безнадежная тоска разоренного края» [Муйжель, 1915, с. 23].

Война для В. Муйжеля прежде всего — это потухшие глаза женщины, ставшей от горя войны старухой, тоску которой не залечит время. Но за этим есть нечто более важное: духов-

ное разрушение, которое страшнее материального. Сделанное человеческими руками — здания, мосты, вокзалы, за которые шли ожесточенные бои, — всё это подлежит восстановлению. Но смерть близких не восполнима ничем. Действительно, «титанические разрушения железнодорожных станций кажутся наивными детскими игрушками» по сравнению с «тоской изрытых глубокими рядами окопов полей», с «потухшими глазами и вялой, равнодушной речью» женщины, приютившей солдат.

Постигая метафизику войны, русские литераторы-корреспонденты вглядывались прежде всего в солдат и офицеров действующей армии, изображали Первую мировую войну как *человеческую реальность*. Основное внимание поэтому было обращено не на конкретное в изображении войны, а на *человека на войне*.

Список литературы

Алимов Р. Первая мировая война в освещении русских газет // Первая мировая война: История и психология. СПб., 1999. С. 117.

Иванов Г. [Рец.] // Аполлон. 1916. № 6–7. С. 53.

Кречетов С. С железом в руках, с крестом в сердце. Пг., 1915. С. 22.

Муйжель В.В. С железом в руках, с крестом в сердце: (На Восточно-Прусском фронте). Пг., 1915. С. 23.

Ропшин В. [Савинков Б.В.]. Из действующей армии (лето 1917). М., 1918. С. 235–236.

Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 1.

Русские ведомости. 1916. 19 мая.

Толстой А.Н. Письма с пути. Письмо тринадцатое // Рус. ведомости. 1914. 11 нояб.

Толстой А.Н. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. С. 279. Т. 3.